

Посредник правит бал

- 19.11.2014
- Александр Вертячих
- Рубрика Экономика

ФОТО

В постсоветской России бизнес начинал с нуля и мог сформировать конкурентный рынок. Но почему-то предприниматели быстро разделились на тех, кто умеет договариваться с чиновниками и может все,

Российские госкомпании вступили в диалог с правительством о возможности использовать средства внебюджетных фондов для стратегических инвестиций в сфере нефте- и газодобычи, а также развития транспорта. Эта новость вызвала у одних бурю возмущений (в трудные времена некоторые олигархи хотят проесть наши пенсионные накопления), у других — поддержку (лучший способ спасения «государственной кубышки» — вложения в инфраструктуру и сырьевой сектор). О том, что на самом деле нужно отечественной экономике, заместителю главного редактора нашей газеты Александру ВЕРТЯЧИХ рассказал профессор кафедры корпоративных финансов и оценки бизнеса Санкт-Петербургского университета экономики (этот вуз образован слиянием ФИНЭКа и ИНЖЭКОНа и Университета сервиса и экономики), доктор экономических наук, заслуженный деятель науки Михаил РОМАНОВСКИЙ.

_ Михаил Владимирович, насколько продуманы экономические шаги российского правительства?

_ В правительстве произошла рокировка: министр экономического развития Алексей Улюкаев не производственник, а выходец из вузовской науки, Минфина и Центробанка. Эльвира Набиуллина — также выходец из науки — перешла из Минэкономразвития в Банк России, не имея соответствующего опыта работы в его структурах. Оба они — члены команды Гайдара, придерживаются либеральных взглядов.

У меня создается впечатление, что оба они недостаточно знают, куда движется на самом деле российская экономика. Не следует забывать, что и Центробанк, и Минэкономразвития формировались с учетом мнения зарубежных консультантов, в первую очередь американских. При этом обе эти структуры регулярно и весьма существенно ошибаются в своих прогнозах. Центробанк уделяет повышенное внимание таргетированию инфляции, вместо того чтобы заботиться о росте экономики страны и вести более грамотную курсовую политику.

Хотя в правительственных структурах есть специалисты, которые, образно говоря, ближе к земле. Например, первый заместитель министра промышленности и торговли Глеб Никитин, мой ученик, стал одним из проводников закона о промышленной политике. Вот только этот закон надо было принимать много раньше, до санкций и эмбарго. А сейчас время мы упустили.

_ Чем же должна была заниматься Россия эти три года?

_ Уходить от зависимости от газа и нефти. Об этом на разных уровнях говорилось много, но реально сделано было мало. Что мы имеем в плюсе? Несколько кластеров сборочного производства, в основном в Петербурге и Калуге. А чего мы лишились? Базисной промышленности, способной выполнять заказы от А до Я. Раньше в Ленинграде работали семь производственных объединений одного только Минтяжмаша, а теперь осталось лишь одно крупное— «Силловые машины». В городе нет ни станкостроения как отрасли, ни приборостроения, ни сложной оптики. По сути, в Петербурге сейчас не реализуются серьезные инновационные проекты, которые способствовали бы развитию промышленности и росту производительности труда, если не считать металлообработки в Колпинском районе.

_ А как же судостроение? Недавно на петербургских верфях заложили сразу две дизельные подлодки, мы об этом писали. Разве это не подъем?

_ Судостроение— ярчайший пример неудачной отраслевой реформы. Раньше при выполнении госзаказа судостроительный завод (например, Выборгский) работал напрямую с изначальным заказчиком— Министерством обороны, Минатомом и пр. Теперь между правительственными структурами и судовой верфью появился новый посредник— госкорпорация. А любой посредник, как известно, берет свой процент. В итоге петербургские и областные верфи теперь зависят еще от одной московской структуры, менеджеры которой недостаточно знакомы с особенностями судостроения.

При этом в Петербурге у нее не получилось реализовать какой-либо новый проект— например, создать верфь на острове Котлин для постройки газозубов, которые перевозили бы сжиженный природный газ. Столичные менеджеры сочли, что потребности в этом на европейском севере России нет. А как же Штокмановское и другие месторождения в Баренцевом и Карском морях, о которых так много говорят? При этом мы рискуем потерять и мировое первенство в ледокольном флоте— и дизельные, и атомные ледоколы строятся в России крайне медленно.

_ Сейчас именно крупные госкомпании хотят стать основными бенефициарами субсидий из государственных фондов (резервного и национального благосостояния). «Роснефть» запрашивает более 2 трлн рублей на свои проекты, РАО «РЖД»— около триллиона. Это правильный путь?

_ Инвестировать государственные фонды в промышленные проекты на территории России— это правильно. В одном только резервном фонде у нас аккумулировано более 25 млрд долларов— на кого работают эти деньги? Они вложены в доллары или западные ценные бумаги, а надо на возвратной основе предоставлять их отечественным промышленникам. Но без посредников! Госкорпорации любые суммы потратят на зарплаты топ-менеджеров, дорогие московские квартиры и

офисы. Но и сами проекты нужно выбирать тщательно, вкладывать в те из них, что обеспечат окупаемость за 4— 5 лет, а не за 30— 40 или вообще не окупятся никогда. Иными словами, править бал должны эффективность проекта и экспертное заключение специалистов, а не личные пристрастия чиновников.

_ То есть вы считаете, что дороги, вложения в большинство из которых никогда не окупятся, строить не надо?

_ Надо, вот только инфраструктурные проекты необходимо четко просчитать. Не просто давать госкомпаниям деньги на строительство какой-то новой дороги, а подумать, что и куда будут по ней возить? Может, нужны не тысячи километров железной дороги для перевозки угля, а столько же автотрасс для перевозки других грузов сотнями частных автопредприятий, где будет конкуренция и будут развиваться заброшенные земли европейской части России— того же Северо-Запада. Но у нас нет системы выбора инвестиционных проектов, а есть чиновник, который все и решает. И, к сожалению, часто в пользу монополистов.

_ Как должна выглядеть эта система и откуда брать деньги на инвестпроекты, если казенные кончатся?

_ Надо сделать население коллективными инвесторами. Например, выпустить гособлигации для крупных проектов с привлекательным для людей процентом. Сумма должна быть такая, чтобы ценную бумагу мог купить каждый человек. Таким образом, мы выведем часть наличности с валютного рынка и создадим альтернативу печати денег. Торговая инфляция все равно есть, цены растут, и правительство рано или поздно может включить «печатный станок», ориентируясь прежде всего на наши ресурсы в качестве обеспечения национальной валюты.

_ Господдержка и облигации заманчивые, но далеко не основные инвестиционные инструменты. Все же главным выступает кредит. А вот с этим-то у нас плохо...

_ Следует отметить, что ЦБ в своей денежно-кредитной политике (в частности, в увеличении ключевой ставки) добился того, что в России очень дорогие для промышленности кредиты— до 12— 16% годовых. Прежде всего это касается не госкорпораций, а малого и среднего бизнеса. Раньше, когда я работал на заводе «Русский дизель» и брал межотраслевые займы под 1% годовых, меня еще упрекали, зачем кредитуюсь. Мол, надо целый процент отдавать!

Сегодня даже смешно вспоминать. Но горькая правда осталась: кредитные ресурсы нужны промышленности. Посмотрите на Чехию, которая благодаря дешевым европейским займам под 4— 5% годовых модернизировала свою индустрию. И давала до санкций дешевые кредиты российским партнерам в рамках проектного финансирования.

_ Почему же у нас такие высокие проценты по займам?

_ Российские банки, по сути, тоже стали посредниками— между предприятиями и западным капиталом. Теперь, когда выход на него ограничен, выясняется, что у отечественных финансовых структур своих резервов недостаточно. И кредит наши банки могут дать только под свой, очень высокий, процент. Поэтому предприятия и рассчитывают на господдержку, ограниченную бюджетными возможностями. Вновь образованные фонды поддержки промышленности на федеральном и региональном уровнях ситуацию не изменят: заявленные правительством 20 миллиардов рублей на всю страну— это копейки.

Госпомощь в любом случае можно рассматривать как адресную поддержку относительно небольшого числа предприятий. Но, чтобы модернизировать всю российскую промышленность, нужно реформировать экономическую систему в целом. И в первую очередь снизить налоговое бремя...

Можно говорить о так называемом налоговом маневре. В нашей стране сейчас он выглядит как перекалывание налогового бремени с бизнеса на конечных потребителей, то есть на нас с вами. Это мера приведет к сокращению внутреннего спроса, а для развития экономики нужен его рост. Долго обсуждалось введение дополнительно к НДС налога с продаж для увеличения доходов регионов. Слава богу, от этого пока отказались.

Однако правительство снижает и экспортные пошлины, увеличивая при этом налог на добычу полезных ископаемых. Это приведет к тому, что подорожают бензин, услуги ЖКХ и вырастет себестоимость отечественных товаров. То есть этот «маневр» оплатим тоже мы с вами. Одновременно— надо ведь повышать зарплату бюджетникам— региональные бюджеты становятся все более дотационными, а социальные обязательства— трудновыполнимыми на всех уровнях.

Как же, по-вашему, должен выглядеть налоговый маневр в России?

Во-первых, надо дифференцировать шкалу налога на доходы физических лиц (НДФЛ) с учетом высокой разницы зарплат по России в целом. Во-вторых, для стимулирования малого и среднего бизнеса необходимо снизить отчисления с фонда оплаты труда (ФОТ). Часть из них должны оплачивать сами граждане, а работодатели на эту величину должны увеличить зарплату. В этом случае граждане в большей степени будут заинтересованы в контроле использования государственных доходов.

В условиях кризиса, как правило, снижаются поступления по налогу на прибыль. А имущественные налоги пополняют бюджет стабильно. Для стимулирования реального сектора экономики желательно освободить от налога на прибыль собственные инвестиции в развитие и обновление производства. Следует также иметь в виду, что с учетом отчислений с ФОТ у нас далеко не самые низкие налоги для граждан и 13% они не ограничиваются.

В плане податей нам следует стремиться к уровню налогообложения предприятий и граждан в Казахстане и Белоруссии. У них налоги на предприятия ниже. А учитывая вхождение этих стран в Таможенный союз, многие российские компании могут перерегистрироваться там. Одновременно надо идти по пути деофшоризации госкомпаний, но для этого нужны финансовая дисциплина и политическая воля властей.

Какие особенности у налогового маневра, проводимого сейчас в России?

Он предусматривает большую дифференциацию имущественного налога, уплачиваемого как предприятиями, так и гражданами. Юридические лица уже с нынешнего года не платят налог с движимого имущества, а именно— с транспортных средств. Это сделано, чтобы избежать двойного налогообложения. А граждане с 2015 года будут платить налог на имущество с учетом его кадастровой, приближенной к рыночной, стоимости. Однако эти новации существенно не изменят сложившуюся в России разницу в зарплатах, которая больше напоминает ситуацию в Латинской Америке. Если мы хотим что-то изменить к лучшему, надо предусмотреть возможность введения прогрессивной шкалы налогообложения физических лиц.

К сожалению, Минфин весь налоговый маневр сводит к сокращению спроса потребителей. В частности, это министерство предложило ввести налог с продаж, акцизы и сборы с разных видов

деятельности. Все это для увеличения доходов регионов. Однако потребители роста налогового бремени не выдержат, учитывая сложившийся уровень зарплат и курс рубля. Товары и так будут дорожать, а тут еще предлагается обложить покупки налогом. В 2015 году от этого откажутся, но что будет потом?

_ Как новые налоги скажутся на отечественном производителе?

_ Очень пагубно, ведь отечественная промышленность, лишенная дешевых кредитов, не сможет предложить покупателям более дешевую и конкурентоспособную продукцию. Ее можно выпустить только на новых производственных линиях с использованием инновационных технологий, трудом квалифицированного персонала, с соответствующим маркетингом и логистикой.

Это потребует дешевых кредитов, источником средств для которых может послужить привлечение к инвестиционной деятельности населения. Есть и другие варианты: развитие государственно-частного партнерства в промышленности и проектное финансирование, когда банк выкупает предприятие, которое потом кредитует. Это поможет нам снизить эффект от западных санкций.

В конечном итоге российская экономика могла бы возродиться за счет отказа от исчерпавшей себя либеральной модели развития, в значительной степени разрушившей отечественную индустрию. Необходимо перейти к реиндустриализации всех отраслей промышленности, а не только сырьевых. Очень важно повысить роль подготовки специалистов на всех уровнях— от рабочих до управленцев, инженеров и ученых. И сократить огромную армию чиновников на всех уровнях.